

А. Л. Погодин

**Следы корней-основ в
славянских языках**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Л. Погодин**
Следы корней-основ в славянских языках / А. Л. Погодин – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 322 с.

ISBN 978-5-518-00085-8

ISBN 978-5-518-00085-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

эпоху, когда славянскіе и балтійскіе языки еще не выдѣлились изъ одного общаго имъ праязыка. Сюда относится напр. образованіе сравнительной степени съ суф. -ѣъ, которое находимъ въ литовскомъ языкѣ, а изъ славянскихъ въ русскомъ, сербскомъ, словинскомъ, моравскомъ (Bartoš. Dial. II. 237: hlubočěši, dobřěši), польскомъ (scedressy въ Kaz. Święt. Prace Fil. III. 713, nawerneszemu, nŷneszŷm, narowisesszy въ Риторикѣ 1428 г. Prace Fil. I. 483. 489 и др.) и лужицкихъ. Далѣе, окончаніе Gen. Sing. основъ на -o, восходящее къ *a; Dat. Sing., воспользовавшійся старой формой Instr. Sing., и т. под. принадлежатъ также славяно-литовской эпохѣ. Если, съ другой стороны, литовскій языкъ представляетъ явленія, сходныя съ особенностями иныхъ индоевропейскихъ языковъ (напр., въ области законовъ ударенія проф. Явнисъ отмѣчаетъ сходство съ греческимъ), то и это еще не говоритъ противъ предположенія указаннаго праязыка. Изученіе судьбы корневыхъ основъ и сложныхъ словъ точно также постоянно переноситъ насъ на славяно-литовскую почву.

Заканчивая и выпуская въ свѣтъ свою работу, считаю долгомъ выразить искреннюю признательность Совѣту Императорскаго Варшавскаго Университета, назначившему средства на напечатаніе этой книги, а также всѣмъ лицамъ, помогшимъ мнѣ доставать нужныя мнѣ книги, что при условіяхъ работы въ провинціальномъ городѣ особенно цѣнно, а именно: профессорамъ Е. Θ. Карскому, В. А. Погорѣлову, А. И. Смирнову, И. П. Филевичу и В. А. Францеву въ Варшавѣ, Ч. Зибрту, К. Зубатому и I. Поливкѣ въ Прагѣ, А. И. Соболевскому въ С.-Петербургѣ, а также К. Кадлецу въ Прагѣ за сообщеніе мнѣ библиографическихъ свѣдѣній о чешской жупѣ. Тѣмъ не менѣе, кое-что изъ тѣхъ книгъ, которыя мнѣ были очень нужны, я все-таки не могъ достать. Въ заключеніе я долженъ извиниться въ томъ, что при всѣмъ моемъ стараніи избѣгнуть опечатокъ ихъ вкралось въ

книгу довольно много: въ этомъ повинно мое слабое зрѣніе, не позволяющее мнѣ разбирать въ слѣпой корректурѣ сходныхъ буквъ. Списокъ замѣченныхъ опечатокъ приложенъ въ концѣ.

Что касается указателей, то я счелъ нужнымъ приложить указатели индоевропейскихъ словъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ книгѣ, и фамилій авторовъ цитируемыхъ сочиненій. Предметный же указатель я постарался замѣнить подробнымъ оглавленіемъ, такъ какъ очень трудно составить подобный указатель къ книгѣ такого содержания, какъ эта. На бытовое содержаніе разсматриваемыхъ словъ я обращалъ большое вниманіе, и я думаю, что историкъ праславянской культуры найдетъ здѣсь кое-что по части быта (напр., о погребеніи — стр. 223, объ одеждѣ, о скотоводческомъ бытѣ, о молотьбѣ, о жуиѣ и др.: ср. также подъ словомъ берлога). Вопросамъ культурныхъ связей славянства съ сосѣдями я старался также, поскольку это было возможно, удѣлить соответствующее мѣсто (ср. полъ словами: гуна, куца и т. д.).

Въ концѣ книги приложенъ небольшой списокъ дополненій тѣмъ матеріаломъ, который случайно не попалъ на свое мѣсто въ изложеніи.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>стр.</i>
ГЛАВА I. Агглютинація	1—71
Теорія В. ф. Гумбольдта	1— 11
Взгляды Штейнтала	12—22
Взгляды Шлейхера и его послѣдователей	22—34
Точка зрѣнія неограмматиковъ	34—36
Взгляды Байрна	36—42
Выраженіе сложной мысли въ агглютиниру- ющихъ и флексирующихъ языкахъ	42—43
Взгляды Габелентца	44—50
Изоляціи въ новыхъ индоевропейскихъ языкахъ	46—47
Взгляды Есперсена	50—58
Возраженія Есперсену со стороны Ленца	58—61
Взгляды Вундта	62—65
Полемика Вундта съ Б. Дельбрюкомъ	65—68
Три типа образованія формъ	68—70
Взгляды Маутнера и Свита	70—71
 ГЛАВА II. Образованія формъ въ финноугорскихъ и ин- доевропейскихъ языкахъ	 72—74
Корень и основа	72—74
Флексивныя формы въ финноугорскихъ языкахъ	74—76
Имя и глаголъ въ финноугорскихъ языкахъ	76—82
Глагольные суффиксы въ финноугорскихъ яз.	82—90
Исторія суффиксовъ въ финноугорскихъ языкъ	91—98
Формы спряженія въ финноугорскихъ языкахъ	98—100
Формы основъ въ финноугорскихъ языкахъ	100—102
Корни-основы въ финноугорскихъ языкахъ	102—105

	<i>стр.</i>
Окончания въ склоненіи финноугорскихъ языкъ	105—110
Корни въ индоевропейскихъ языкахъ	110—112
Корни-основы въ индоевропейскихъ языкахъ	112—114
ГЛАВА III. Корни-основы въ сложныхъ словахъ	116—191
§ 1. <i>Собственные сложенія</i>	116—167
Основной типъ сложныхъ словъ въ индоевропейскихъ языкахъ	116—119
Самостоятельность частей сложенія	119—123
Психологическое значеніе сложныхъ словъ	123—124
Основы безъ окончаній въ индоевропейскомъ языкѣ	124—127
Глагольная основа въ сложныхъ словахъ	127—131
Глагольная основа въ образованіяхъ глагольныхъ формъ	131—132
Собственные сложенія въ славянскихъ языкахъ	132—133
Собственными сложенія (съ соединительнымъ гласнымъ и безъ него) въ балтійскихъ языкахъ, особенно въ литовскомъ языкѣ	133—142
Сложенія въ латышскомъ языкѣ	142—144
Сложенія въ русскомъ языкѣ	144
Сложенія безъ соединительнаго гласнаго въ славянскихъ языкахъ	144—167
1. Сложенія со словомъ *vognъ	144—148
2. Сложенія со словомъ -rabъ	148—155
Славянскія формы типа <i>кзеро:оверо</i>	152—154
3. Ясколка, соколъ	155—157
4. Лоскутъ,дохмотья	157—159
5. Человѣкъ, Скорлупа	159—166
6. Наздеръ и другія сложенія того же типа	166—167
§ 2. <i>Сложныя слова изъ срощеній</i>	167—194
Отличіе сложеній отъ срощеній	167—170
Отношеніе словорасположенія къ образованію срощеній	170—173
Срощеніе въ литовскомъ и латышскомъ языкъ	173—179
Условія срощеній въ славянскихъ языкахъ	179—184
Срощенія съ Gen. Sing. <i>ok a-</i>	180—181
Срощенія съ Gen. Sing. <i>ogn i-</i>	181—183
Срощенія съ Gen. Sing. <i>krv e-</i>	183
Срощенія съ Gen. Sing. * <i>pod v-</i>	185—188

	<i>стр.</i>
Срощенія въ собствѣнныхъ именахъ	188—190
Выводы изъ главы	190—191
ГЛАВА IV. Корни-основы	192—279
1. Зем — земля	192—195
2. Зима	195—197
3. Dopt—зубъ	197—200
4. Rod—нога	200—204
5. Dem, dom—домъ	204—214
Названіе серебра	205—206
Предлогъ до	208—218
Звмствованіе формальныхъ элементовъ языка	209—210
Законы слав. Sandhi	211—213
6. Nekt, nokt—ночь	214—217
7. Неводъ, невѣста, навъ	217—224
Этимологія слова невѣста	217—220
Слѣды старыхъ погребальныхъ обычаевъ въ славянскомъ словарѣ	223
8. *Gōu—корова	224—247
Скотоводство у южныхъ славянъ	224—225
Значеніе слова рубъ	225
Значеніе словъ рус. гача и гачи	228—230
Господь	230—231
Значеніе словъ гуна, гунн	231—234
Славянское происхожденіе лат. guppa, греч. γούφα	233—234
Гумно	234—235
Жупа въ юридическомъ и этимологическомъ значеніи	237—243
9. Sa, svu—свиньи	247—252
Международное распространеніе названій сви- ньи и собаки	249—252
10. Nerot—племянникъ, внукъ	252—255
11. Dru—дерево	255—258
12. ġhu—рыба	258—261
13. Berg—мелкій рогатый скоть	261—266
Баранъ, боровъ	261—263
Берлога	263—266
14. Бузина	266—270
Слав. *xъ-бъ-зъ и др., латин. Sambucus	269—270

	<i>стр.</i>
15. Еіп- олень и другія корневья основы .	270—277
Основы съ чередованіемъ гласнаго въ склоненіи	270—271
Носъ и носдри	271—274
Сложенія съ *с ж (= лит. основѣ ѣи п—собака)	274—275
Латыш. а в п і з	275—276
Основа *g і	276—277
Заключеніе	277—279
Дополненія	280
Списокъ главныхъ словарныхъ источниковъ	281—285
Указатель авторовъ	286—288
Указатель словъ.	
Списокъ замѣченныхъ опечатокъ.	

ГЛАВА I.

АГГЛЮТИНАЦІЯ.

Ученіе объ агглютинаціи, какъ объ особой ступени эволюціи языковъ, было установлено въ началѣ 19 вѣка; родоначальникомъ его надо считать, кажется, Вильгельма фонъ Гумбольдта ¹⁾, который въ 1822 году въ своей знаменитой статьѣ ²⁾ о происхожденіи грамматическихъ формъ намѣтилъ основныя черты развитія языковъ. Съ удивительной проницательностью и на основаніи очень широкаго знакомства съ языками культурныхъ и дикихъ народовъ Гумбольдтъ старался опредѣлить мѣсто агглютивныхъ образованій среди другихъ грамматическихъ и указать на связь между агглютинаціей и флексіей. Какъ исходный пунктъ при классификаціи языковъ по „физиологическому различію въ ихъ строѣ“, основателемъ которой Поттъ ³⁾, по моему, вполне справедливо, признавалъ В. Гумбольдта, названная статья послѣдняго заслуживаетъ ближай-

---

¹⁾ Классификація братьевъ Шлегелей носила слишкомъ общій характеръ. См. Steintal. Charakteristik. Стр. 4—7.

²⁾ „Ueber das Entstehen der grammatischen Formen und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung (Abhandlungen der hist.-philol. Klasse der Königl. Akad. d. Wissenschaften zu Berlin. Aus den Jahren 1822 und 1823. Berlin 1825, стр. 401—430). Ср. изложеніе и разборъ этой статьи у Потта въ книгѣ „Wilhelm von Humboldt und die Sprachwissenschaft“. Berlin 1876, стр. 297—365.

³⁾ „Введеніе въ общее языковознание“ (рус. перев.). С.-Петербург. 1885, стр. 76. Ср. также „Wilh. von Humboldt und die Sprachwiss.“ Стр. 320—322.

шаго разсмотрѣнія. Если, какъ я постараюсь показать, самъ Гумбольдтъ первоначально и не думалъ о классификаціи, приписанной ему, то все-же эта классификація была извлечена изъ его пониманія происхожденія грамматическихъ формъ, и потому косвеннымъ образомъ должна быть связана съ его именемъ.

Основнымъ тезисомъ, на которомъ построено все теоретическое зданіе романтической философіи языка, служить для Гумбольдта убѣжденіе въ тѣсной связи между мышленіемъ и развитіемъ грамматическихъ формъ. „Преобладающая сила мышленія сообщаетъ языку формальность (Formalität), а преобладающая въ немъ формальность возвышаетъ силу мышленія” — таковъ былъ принципъ Гумбольдта, который утверждалъ, что „острота мышленія возрастаетъ, когда логическимъ отношеніямъ точно соотвѣтствуютъ и грамматическія, и умъ (der Geist) все сильнѣе втягивается въ формальное и вмѣстѣ съ тѣмъ чистое мышленіе, когда языкъ привыкаетъ проводить рѣзкую грань между грамматическими формами”. Но такъ какъ и языки дикарей, особенно американскихъ, обладаютъ значительнымъ разнообразіемъ чрезвычайно сложныхъ грамматическихъ образований, то Гумбольдту приходится, для устраниенія противорѣчія между его положеніемъ и этимъ фактомъ, признать, что эти образования не настоящія грамматическія формы. Последнія могутъ принадлежать только „высокообразованнымъ языкамъ” (die hochgebildeten Sprachen), хотя „всѣ грамматическія отношенія можно передать въ выраженіяхъ почти каждаго языка”, и Гумбольдтъ замѣчаетъ между этими понятіями тонкую, но весьма существенную разницу. „Слова и грамматическія отношенія двѣ вещи, совершенно различныя въ представленіи. Первые являются настоящими предметами въ языкѣ, вторыя лишь соединеніями ихъ, но языкъ становится возможнымъ лишь благодаря ихъ совокупности. Грамматическія отношенія могутъ быть присоединены мысленно (hinzugedacht), если даже они не всегда имѣютъ въ языкѣ знаки, и строй языка можетъ быть такого рода, что неясность и недоразумѣнія избѣгаются при этомъ, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени. Поскольку однако грамматическія отношенія имѣютъ опре-

дѣленное выраженіе, въ употребленіи такого языка существуетъ грамматика собственно безъ грамматическихъ формъ". Между тѣмъ послѣднія совершенно необходимы для развитія стройной рѣчи, безъ которой Гумбольдтъ не представляетъ себѣ развитой культуры. Языки китайцевъ и египтянъ лишены грамматическихъ образованій, и „въ срединномъ царствѣ или на черныхъ берегахъ Нила былобы тщетно искать благороднаго и тонкаго благоуханія истинной культуры" (слова Потта).

Въ чемъ же, однако, заключается разница между грамматическими формами нашихъ флексивныхъ языковъ и ихъ „аналогами", живущими въ языкахъ болѣе грубыхъ (die höheren Sprachen)? По мнѣнію Гумбольдта, она заключается въ томъ, что первыя какъ будто отлиты въ одну форму, тогда какъ въ послѣднихъ элементы лишь прицѣплены другъ къ другу. „Тѣсное сращеніе дѣлаго приводитъ въ забвеніе значеніе частей, а крѣпкое соединеніе ихъ подъ однимъ акцентомъ измѣняетъ ихъ самостоятельное удареніе, зачастую и ихъ звуковой составъ; такимъ образомъ, достигается единство всей формы, которую часто уже не можетъ разложить и кропотливый грамматикъ, достигается обозначеніе опредѣленнаго грамматическаго отношенія". И съ точки зрѣнія говорящаго лица между настоящими (sicht) грамматическими формами и ихъ „аналогами" чувствуется живое различіе: пока послѣдніе состоятъ изъ болѣе или менѣе раздѣлимыхъ элементовъ, „говорящій не столько пользуется уже существующими формами, сколько всякій разъ образуетъ для себя новую". Однако — и это очень важно для выясненія точки зрѣнія Гумбольдта на классификацію языковъ — „выше стоящіе языки съ болѣе искусственной организаціей начали также съ грубаго и простаго строя, и еще носятъ на себѣ явственныя слѣды его"; „въ большинствѣ самыхъ развитыхъ языковъ еще и теперь можно распознать соединеніе элементовъ, которыя связаны здѣсь ничуть не иначе, чѣмъ въ болѣе грубыхъ языкахъ; и такой способъ возникновенія и настоящихъ грамматическихъ формъ путемъ присоединенія значущихъ слоговъ (путемъ аллотаминаціи) долженъ считаться почти всеобщимъ" (стр. 411). Въ этомъ зна-

менательнымъ выраженіямъ, показывающимъ, какъ вѣрно понималъ Гумбольдтъ отношеніе агглютинаціи въ флексіи, присоединяю еще слѣдующее: „чѣмъ дальше языкъ удаляется отъ своего начала, тѣмъ болѣе онъ при прочихъ равныхъ условіяхъ пріобрѣтаетъ въ области формы. Уже одно долгое употребленіе крѣпко сплавляетъ элементы словосочетаній (Wortstellungen), стираетъ у нихъ отдѣльные звуки и дѣлаетъ ихъ прежнюю самостоятельную форму неузнаваемой. Я не могу отдѣлаться отъ убѣжденія, что *въ концѣ концовъ всѣ языки исходили, главнымъ образомъ, изъ агглютинаціи*” (418).

Я думаю, что изъ вышеприведенныхъ извлеченій изъ статьи Гумбольдта совершенно ясно, что въ его представленіяхъ вовсе не существовало разъ на всегда опредѣленное раздѣленіе языковъ по ихъ неизмѣннымъ „физиологическимъ” свойствамъ, и если этотъ замѣчательный мыслитель говорить, что съ точки зрѣнія грамматической эволюціи различія языковъ оказываются лишь ея ступенями (401 стр.), что по отношенію къ ней всѣ языки дѣлятся на два класса (427 стр.), то онъ имѣетъ въ виду прежде всего психическое развитіе народовъ, говорящихъ на этихъ языкахъ, и рѣшительно чуждъ взгляду, по которому языкъ одного типа не можетъ перейти въ другой. Особенно отчетливо это сказывается въ его выводахъ относительно возникновенія грамматическихъ формъ. Они сведены въ слѣдующему ряду положеній:

„Языкъ обозначаетъ первоначально предметы и предоставляетъ пониманію слушателя мысленное присоединеніе формъ, связующихъ рѣчь.

Однако онъ пытается облегчить такое мысленное присоединеніе съ помощью сопоставленія словъ и съ помощью названій предметовъ и вещей, названій, указывающихъ на отношеніе и форму.

Такимъ образомъ на низшей ступени грамматическое обозначеніе совершается путемъ формулъ (Redensarten), фразъ, предложеній.

Это средство подвергается извѣстному упорядоченію, словосопоставленіе становится постояннымъ, упомянутыя слова те-